

ПАРАДИГМА

Философско-культурологический альманах

Издается с 2005 года

ВЫПУСК 36

**Санкт-Петербург
2022**

ББК 71.0
П18

“Paradigma” is an open-access, peer-reviewed journal produced by an international group of scholars. Which comes out two times a year, publishes materials based on empirical interdisciplinary research in Russian, French and English languages.

«Парадигма» - рецензируемый научный журнал в открытом доступе, поддерживается международной группой ученых. Выходит два раза в год. Публикуются результаты междисциплинарных исследований на русском, французском и английском языках.

Парадигма: Философско-культурологический альманах.
Вып. 36 / Главный редактор Н. Х. Орлова. СПб., 2022. 175 с.
ISSN 1818-734X

© Авторский коллектив, 2022
© Н. Х. Орлова, 2022

CONTENT

THEOLOGY OF CULTURE (ТЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ)

Alexander A. Klestov. The Birth of Europe (Essays on Works of L.P. Karsavin) 7
Клестов А.А. Рождение Европы (Очерк по материалам работ Л.П. Карсавина)

Орлова Н.Х. Иов многострадальный в экзистенциальной философии Антанаса Мацейны..... 51
Nadezda Kh. Orlova. The sufferings of Job in the existential philosophy of Antanas Maceina

RUSSIAN DIASPORA (РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ)

Olga R. Demidova. Germany and the Germans in Russian Émigré Memoirs..... 59
Демидова О.В. Германия и немцы в воспоминаниях русских эмигрантов

Голубович Мария. Русские рестораны, трактиры и музыканты межвоенного Белграда..... 72
Marija Golubović. Russian restaurants, taverns, and musicians of interwar Belgrade

Михаленко Н. В. Трансформация образов усадьбы и дачи в творчестве Л.С. Врангель 93
Natalia V. Mikhalenko. Transformation of the image of a estate and a dacha in the works of L.S. Wrangel

Арсеньев А.Б. Писательница и философ Александра Анатольевна Сердюкова..... 107
Aleksey B. Arseniev. Alexandra Anatolyevna Serdyukova: Writer and philosopher

Кузнецова Т.В. Влияние русского стиля на парижских кутюрье..... 117
Tatiana V. Kuznetsova. Influence of the Russian style on Paris couturiers

CULTURAL STUDIES (ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ)

Московчук Л. С. Метамодернизм, новая маскулинность и образ отца в киноэстетике Уэса Андерсона..... 129
Lyubov S. Moskovchuk. Metamodernism, new masculinity and the image of the father in Wes Anderson's film aesthetics

Кравченко К.А. Региональное кино России: к проблеме определения..... 139
Karolina A. Kravchenko. Russian regional cinema: the problem of definition

Ян Чжэн. Даосизм в фильме «Солярис» А. Тарковского... 150
Yang Zheng. A study of Taoism in Andrei Tarkovsky's film "Solaris"

POINT OF VIEW (ТОЧКА ЗРЕНИЯ)

Лисецкий М.А. Этические добродетели поэта..... 163
Mikhail L. Lisetskiy. The ethical virtues of a poet

INFORMATION ABOUT AUTHORS

(СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ)..... 173

Трансформация образов усадьбы и дачи в творчестве Л.С. Врангель¹

Н.В. Михаленко

В статье рассказывается о мемуарах баронессы Л.С. Врангель – писательницы, запечатлевшей в своих текстах мир усадебной и дачной жизни XIX-XX веков. В ее повестях отразилась трансформация традиционного образа усадебного мира. Если в книге «Далекое прошлое» описывается дворянское поместье XIX века, где провела детство ее мать, то в книге очерков «Воспоминания и стародавние времена» создается образ дачной жизни в Ялте, общения с А.П. Чеховым, И.А. Буниным, А.И. Куприным. Здесь присутствуют и рассказы о предреволюционном поселении деятелей искусства в Баты-Лимане, эмигрантской бытности в Провансе, на курорте Ла-Фавьер.

Ключевые слова: Л.С. Врангель (Елпатьевская), И.Я. Билибин, А.И. Куприн, А.П. Чехов, «усадебный текст», Баты-Лиман, Ла-Фавьер, «русская колония»

Transformation of the image of a estate and a dacha in the works of L.S. Wrangel

Natalia V. Mikhalenko

The article tells about the memoirs of Baroness L.S. Wrangel, a writer who captured in her texts the world of estate and country life of the XIX–XX centuries. Her stories reflected the transformation of the traditional image of the estate world. If the book "The Distant Past" describes the noble estate of the XIX century, where her mother spent her childhood, then the book of essays "Memories and an-

---

¹ Статья подготовлена в ИМЛИ РАН при финансовой поддержке РФФ – проект № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX-XXI вв.: судьбы национального идеала».

cient Times" creates an image of suburban life in Yalta, communication with A.P. Chekhov, I.A. Bunin, A.I. Kuprin. There is also a story about the pre-revolutionary settlement of artists in Baty-Estuary, emigrant life in Provence, at the resort of La Faviere.

Keywords: L.S. Wrangel (Elpatyevskaya), I.Ya. Bilibin, A.I. Kuprin, A.P. Chekhov, "estate text", Baty-Liman, La Faviere, "Russian colony"

Статья посвящена литературному творчеству баронессы, журналистки, общественной деятельницы Людмилы Сергеевны Врангель (Елпатьевской, 1881-1969), жены Н.А. Врангеля. В 1920 г. вместе с семьей она эмигрировала через Константинополь в Югославию, затем, в 1924 г., переехала во Францию. В Париже она опубликовала книги «Далекое прошлое» (1934), «Крым» (1939), «Семья Раевских» (1955). Врангель печаталась в эмигрантских журналах «Возрождение», «Новый журнал», газете «Русская мысль»; была членом Союза русских писателей и журналистов в Париже. В Вашингтоне была напечатана ее книга «Воспоминания и стародавние времена» (1964).

Как отмечал Б.М. Носик, «дед ее был священником, а отец Сергей Елпатьевский², врач по профессии (одно время, после революции, даже кремлевский врач), был писателем-народником, автором очерков, рассказов, знаменитых мемуаров, другом Горького, знавшим всех на свете: и Чехова, и Бунина, и Станиславского, и Л. Андреева – все они бывали на даче Елпатьевского в Ялте, так что их всех видела и знала с молодости Людмила Сергеевна. Она вышла замуж за барона Николая Врангеля, путейского инженера, строившего железную дорогу в Крыму под началом инженера и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского» [8, с. 240].

---

² Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — писатель, автор книг: «Очерки Сибири» (1893, 1897), «За границей» (1910, 1912), «Египет» (1911, 1912), «Крымские очерки. Год 1913» (1998) и др.

Ксения Александровна Куприна в своих мемуарах вспоминала: «В 1900-х годах Александр Иванович... познакомился в Ялте с писателем С.Я. Елпатьевским и близко сошелся с его семьей. Жена Елпатьевского, Людмила Ивановна, приняла большое участие в молодом Куприне. А в дочь Елпатьевского, тоже Людмилу, А.И. <Куприн> был, по своему признанию, в ту пору немножко влюблен» [5, с. 214].

По книгам Л.С. Врангель можно проследить эволюцию усадебного и дачного быта XIX-XX вв. – от изображения богатой украинской усадьбы ее бабушки, крымского поселения деятелей науки и искусства в Баты-Лимане в предреволюционные годы до эмигрантского сообщества в Ла-Фавьере.

Первая мемуарная книга Врангель – «Далекое прошлое (отрывки из рассказов моей матери)» (Париж, 1934) представляет собой воспоминания Людмилы Ивановны Елпатьевской (Сокологорской), которые были записаны ее дочерью. Как писал Б.П. Вышеславцев в предисловии к книге, «...душа отдыхает в сознании былой тишины русской жизни, былого богатства, довольства и красоты дворянско-крестьянской России. Разве это не потерянный рай?» [3, с. 5]. Он отмечал, что книга дает «живое прикосновение к быту трех поколений», рассказывает о традициях и обычаях поместной жизни XIX – начала XX вв.

В повести описывается богатое имение Криничная на Днепре, в Полтавской губернии «с его бесчисленными островами и плавнями, богатыми рыбой, дичью и прекрасными пастбищами», которое «было раскинуто по обеим сторонам большой дороги – “Екатерининского шляха” - обсаженной старыми корявыми ветлами». За ним начиналась знаменитая Запорожская Сечь [3, с. 9].

В детские годы Л.И. Сокологорской, от лица которой идет повествование, в поместье сохранялась память о предках, о былой истории: «За старым садом протекала речушка Кобелячек с тремя огромными прудами. Эта маленькая речушка была местом многих битв запорож-

цев с турками, татарами и разными кочевниками юга Руси» [3, с. 12]. Название имения восходит к православной легенде, которая чтилась в семье: «Дом дедушки в старом запущенном саду у пруда был разрушен задолго до моего рождения. Около него осталась “криница” – источник чистой воды, чтимый местным населением, с деревянным навесом, вроде часовенки, с прекрасной иконой Св. Троицы письма итальянского мастера» [3, с. 12].

В тексте предстают картины усадебной жизни разных поколений семьи – разрушенный дом деда, благоустроенный, изобильный дом бабушки в старом саду, где привольно жилось детям: «...спокойно было в старом доме, в выбеленных комнатах с изразцовыми цветными печами. Здесь все было под рукой: сливы стучались в окно детской и даже падали на пол, черешня вплотную придвинулась к крыльцу, так, что можно было прогнать с нее воробьев» [3, с. 14]. Новый, «типично помещичий одноэтажный» дом родителей Людмилы Ивановны, который выходил «одним фасадом с большой террасой с четырьмя массивными белыми колоннами в цветники нового огромного сада» [3, с. 14]. Образ этого дома создается на контрасте. Время счастливой семейной жизни связано с картинами богатого и хорошо обустроенного хозяйства: «Имение наше считалось образцовым и очень доходным. Главное его богатство составляли черноземные поля, на которых сеяли пшеницу, ячмень, овес, жито, гречиху, рапс, горчицу (для масла), просо и кормовые травы. У отца были также большие стада овец – “шпанки”; шерсть продавалась на Ильинской ярмарке в Полтаве, и конский завод для ремонта лошадей кавалерийских полков» [3, с. 16]. После распада семьи и разрыва родителей прекратился и гармоничный ход жизни в поместье. Так, во время последнего визита отца Л.И. Сокологорской крестьяне жаловались ему, «что настоящее их положение далеко худшее», нежели то, когда он владел ими. «Никогда теперь не бывает у них столько хлеба, сена, скотины», как бывало при нем. «Молодые люди, наслушавшись от стариков о

“легендарном пане”, сбежались посмотреть на него, как на некое чудо. Все от мала до велика подходили... с поклонами под благословение и целовали... руку» [3, с. 21]. А он сам считал ушедшую усадебную жизнь чем-то особенным, проникнутой своеобразным настроением, «помещичьим духом» [3, с. 40]. В мемуарах высказывается мысль, что «крепкие руки чеховских Лопатиных, с их новыми промышленными повадками, вырубали не только вишневые сады дворянских усадеб, но изгоняли и самый дух помещичьей жизни» [3, с. 113].

Наряду с портретами хозяев усадеб, в мемуарах возникают очень колоритные образы крестьян, которые готовы отринуть всю прежнюю жизнь и пойти за мечтой об утопическом, светлом рае: «Когда рухнуло крепостное право, и освобожденные крестьяне должны были получить свои наделы земли, наши крестьяне деревни Криничной отказались от этих наделов, и под предводительством Василь-Воли почти вся деревня снялась со своих насиженных мест и ушла с ним искать новой счастливой жизни, как они говорили, “на белых водах”» [3, с. 38]. Не найдя рая, крестьяне были вынуждены вернуться, но получили уже меньшие наделы.

Благообразие семейной жизни в усадьбе создается с помощью картин неспешного времяпрепровождения, эстетики быта, связи с природой: «В нашем доме был большой зал, выходивший одним рядом окон в цветники, другими – на зеленый луг и на дорогу. Простеночные зеркала, ломберные столы, рояль, хрустальная люстра составляли холодное и парадное ее убранство». Любование пейзажем воспринимается жителями поместья как неотъемлемая часть жизни: «Отец мой любил сидеть при заходе солнца на этой галерее, играть на флейте и ждать, когда прогонят мимо наши стада и по большому шляху пройдут косари, жнецы и девчата нашей деревни» [3, с. 18]. Традиционным символом покоя и счастья является ритуал дружного чаепития, объединяющего семью: «Особенно я любила утренний чай на большой террасе нового дома, выходившей в цветники. Мать, в

голубом капоте с открытой шеей и руками, разливала чай, отец сидел напротив и ласково целовал ее руку, подававшую ему стакан чая. Обыкновенно отец ставил перед прибором матери вновь распустившийся редкий цветок» [3, с. 18].

В воспоминаниях Людмилы Ивановны усадебный быт предстает не только в картинах тихой, домашней жизни, но и в образах торжественных приемов, грандиозных балов, которые давали ее родители, и которые особенно любила ее мать – Анжелика Викентьевна, происходившая из известной польской семьи Танских. «Отец танцевал по военному и по старинному: высоко приподняв плечи и хотя без шпор, но четко отбивая такт ногами <...> Мать с гирляндой роз через плечо, в белом тюлевом платье с блестками, делавшем ее небольшую грациозную фигурку еще более легкой, танцевала прекрасно, обыкновенно с офицером, мазурку по-польски» [3, с. 31].

Ощущение праздничности жизни создавалось и особой атмосферой уюта, тепла, гармонии с природой: «Проснулись мы рано от гомона и пения птиц: весело кричали иволги, нежно свистели малиновки и даже соловей еще доканчивал устало ночную свою песню. Изю всех щелей ставень пробивались красноватые лучи восходящего солнца и вскоре мы услышали под окном тихое пение и приплясывание. <...> Так будили по утрам у бабушки, чтобы приятно было просыпаться» [3, с. 98].

Образ дачной жизни рубежа XIX-XX веков создается в главе «Крым» (цикл «Берег дальний») из воспоминаний самой Людмилы Сергеевны Врангель. Здесь описывается крымская жизнь писателей, поэтов, деятелей науки и культуры.

В Ялте С.Я. Елпатьевский, отец Л.С. Врангель, построил дом, вместе с А.П. Чеховым основал местную газету. Как врачи они писали воззвания и статьи о помощи Ялтинскому благотворительному обществу [2, с. 66].

Жизнь в Ялте связана в книге Врангель с воспоминаниями о знакомстве с различными писателями, иллю-

стрирует их быт и нравы. Так, она оставила свидетельство о том, как изредка Чехов беседовал с судебным следователем Тугенгольдом, переехавшим на юг из-за туберкулеза: «Там, в уютной столовой, под большим абажуром лампы, следователь рассказывал Антону Павловичу необыкновенные случаи криминальной жизни, и Чехов слушал их со своей мягкой, немного иронической улыбкой, и иногда слышался его низкий глухой голос. За самоваром сидела жена следователя, прелестная молодая женщина, не спускавшая своих лучистых глаз с писателя» [2, с. 67]. Врангель описала, как в тихой семейной обстановке Чехов создавал свои произведения: «А потом, в кабинете Чехова с камином, на котором Левитан нарисовал русский сенокос, с открытым большим окном, где видно было только море и небо, за письменным столом в глубине кабинета сидела Ольга Леонардовна Чехова-Книппер с пером в руках, а Антон Павлович ходил тихими шагами по кабинету и глухим голосом диктовал что-то» [2, с. 67].

Кратко рассказывает Врангель о знакомстве с И.А. Буниным и А.И. Куприным: «Спиной к блестящему морю, у окна, сидел Иван Алексеевич Бунин, молодой, скромный и изящный, любимец моего отца С.Я. Елпатьевского, уже напечатавший свой сборник прелестных рассказов, — а у стены, в тени, впервые пришедший к нам вместе с Буниным — Ал. Ив. Куприн, автор своей первой повести “Молох”. Украдкой, я и Александр Иванович рассматривали друг друга в стенном зеркале, в котором отражалась картина темных гор Уч-Коша, а на подзеркальнике в бокале стояли белые подснежники» [2, с. 69-70].

Здесь есть свидетельство о М.А. Волошине, который «бродил по палевым холмам Коктебеля и черным вершинам Карадага, одетый в серый холщевый хитон, как Одиссей, с голыми ногами в сандалиях, с посохом в руках: венок из душистых горных трав придерживал его пушистые пепельные волосы, обрамлявшие его широкое русское, даже скифское лицо. Он был добр и доверчив

по-детски и далек от действительности» [2, с. 62]. О графе Алексее Толстом: «тогда только еще начинающем писателе, с русским породистым лицом, в косоворотке». Во время морских прогулок он «пел свои волжские песни, и античная Таврида не имела на него воздействия». Врангель рассказывает о Н.С. Гумилеве, который, «прислонясь к мачте нашей лодки, ...декламировал свои эгоцентричные стихи: “Но нет, я не герой трагический, Я ироничнее и суше. Я злюсь, как идол металлический, среди фарфоровых игрушек”» [2, с. 73]. Жизнь в Крыму была проникнута атмосферой творчества, непринужденного общения и обмена мнениями.

Своеобразным продолжением ялтинской дачной жизни стал поселок литераторов, художников, деятелей искусства в местечке Баты-Лиман, «прижатом огромной каменной стеной к морю». По мнению Врангель, это было «самое теплое зимой и самое жаркое летом место в Крыму» [2, с. 73]. Здесь отдыхала дореволюционная интеллигенция. Пайщиками Баты-Лимана, поселившимися в 1912 г. на прибрежной скалистой полосе, негодной для сельскохозяйственных нужд, были артисты Московского художественного театра — К.С. Станиславский и Л.А. Сулержицкий, певицы Е.Я. Цветкова и А.М. Ян-Рубан; художники И.Я. Билибин и Руднев; писатели В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевский и Е.Н. Чириков; профессор М.И. Ростовцев, П.Н. Милюков, А. Титов и В.И. Вернадский; общественные деятели: Фон Дервиз, Де Плансон, Н.Н. Шнитников, А. Радаков, И.И. Петрункевич, П.О. Гукасов. А.Я. Кравцов и другие [2, с. 77-78].

Неустроенность быта компенсировалась здесь памятью прошлого, прекрасными руинами античных строений, которые изучал М.И. Ростовцев: «на высоком мысу св. Ильи, развалины древнего греческого селения и церкви византийского монастыря того же имени, — направо величавая скала Айя омывается морем, с остатками на вершине фундамента, вероятно, одного из хра-

мов Дианы, исследованием которого так интересовались археологи» [2, с. 73].

Атмосфера этого поселка способствовала творчеству: «Под вечер Сулержицкий - Сулер, - как его любовно звали сотрудники Художественного театра, - танцевал фанданго, подпоясавшись красным шарфом, с платком на голове и говорил о гениальности оперы “Кармен”, которую поручил ему поставить в наступающем сезоне Московский Большой театр» [2, с. 79].

Врангель восхищалась не только богатством и разнообразием природы этого уголка Крыма, но и тем, как она была воплощена в искусстве: «На востоке высилась зеленая гора св. Ильи, окруженная полянками со странными коническими скалками, которые Билибин назвал “сахарные головки”, и которые любовно рисовал. Там же находилось древнее готическое кладбище с высеченными на каменных плитах орудиями их труда: лопатами, ножницами, вилами. Надмогильные плиты были покрыты вековым мхом и розовыми цветами лесного горошка. Одна часть Баты-Лимана была загромождена громадой камней “хаосами”, с зелеными прекрасными соснами над темными морскими водами и под голубым небом. И как прекрасны были эти пейзажи Билибина!» [2, с. 85].

Последний «усадебный» образ из мемуаров Врангель, сходный с Баты-Лиманом, его своеобразное возрождение – поселение эмигрантов во Франции, убежище от скитальчества: «Мы и наши друзья осели в Провансе, на его морском берегу, в зеленой долине Ла-Фавьер. Прованс — чудесный своей античностью уголок земли. Его древние полуразрушенные замки на таких же, как и они сами, серых скалах; его старые фермы, иногда с башнями и бойницами в окружающих стенах; его романтические усадьбы с зонтичными соснами, мимозами и виноградниками недавно еще обитавшими там “Травиатами” — полны очарования» [2, с. 138].

Эта долина Прованса была овеяна историей, хранила родовую память – здесь издревле жили всего нескольких французских семей: «Вся Ла-Фавьерская доли-

на поделена между местными фермерами. Их немного - всего шесть семейств, но они древние обитатели долины и на топографических картах XVIII века все те же имена теперешних фермеров, сидящих на тех же местах, обжитых многими столетиями» [2, с. 140]. Характерно, что для Врангель важна такая история этого места, она как бы должна способствовать некой общинности будущего российского поселения.

Первыми, в 1920 г., купила здесь землю семья Швецовых (богатые купцы, родом из Сибири – Борис и Апполинария). В 1921 г. они пригласили в Ла-Фавьер Г.Д. Гребенщикова для постройки дома. Врангель захотела устроить в этой местности «второй Баты-Лиман»: «Знакомая фермерша продала нам целый холм за ничтожную сумму и так же, как в Баты-Лимане, я быстро нашла желающих принять участие в нашей покупке, и, конечно, в первую голову откликнулись на мой зов Баты-Лиманцы из Парижа: И.Я. Билибин, П.Н. Милюков, А.А. Титов и крымчаки: С.С. Крым, Белокопытов со своей сестрой Ольгой Николаевной Мечниковой, проф. С.И. Метальников, а также наши общие знакомые: проф. Н.А. Безсонов, поэт Саша Черный с женой, С.С. Воейков, продавший впоследствии свой участок земли С. Лукомской, писатель Гребенщиков, проф. Кокбетальянц, Я.А. Рубинштейн и художник Околов. Так появился на одном Ла-Фавьерском холме “Cité Russe”, как его называли местные французы» [2, с. 143].

Здесь оказались представители всех видов искусства и многих отраслей науки. «Здесь жили или бывали поэты Марина Цветаева, Борис Поплавский и Антонин Ладинский, художники Александра Щекотихина, Потоцкая, Федор Рожанковский, Наталия Парэн, Наталья Гончарова и Михаил Ларионов, балерина Ольга Хохлова, которая приезжала сюда отдыхать вместе с мужем Пабло Пикассо, а также Федор Шаляпин, Сергей Дягилев, Альберт Бенуа, Семен Франк и другие. “Русская колония” строилась по критерию личных знакомств ее основателей, завязанных еще в России, до революции» [1, с. 254].

Это место не только стало одним из культурных центров эмигрантской дачной жизни, но и вошло в искусство. Билибин «много с удовольствием работал в Ла-Фавьере и, кроме чудесных, тихих, солнечных провансальских пейзажей, написал портрет Саши Черного и одной приезжей русской дамы. И все же Билибин с грустью вспоминал наш Баты-Лиман с его, как он говорил, “грандиозной героической красотой”, где не надо было искать сюжета для картины: он был всюду, куда ни повернешь голову» [2, с. 145].

Ла-Фавьером, жизнью на юге Франции были вдохновлены некоторые стихи и рассказы Саши Черного 1926-1930 гг.³ Как писала Врангель, это место в Провансе напоминало ему остров Таити – «так великолепно расстилалась перед ним долина своей зеленью и пальмами» [2, с. 148].

В стихотворении «Мистраль» он описал холодный весенний ветер, характерный для этих мест:

Пускай провансальские лиры звенят, —
Я прожил в Провансе два лета подряд.

Сегодня в усадьбе бушует мистраль.
С утра замутилась небесная даль,

Летят черепицы с грохочущих крыш,
В истерике бьется безумный камыш... [9, с. 462]

Ла-Фавьер отразился, правда, в меньшей степени, и в творчестве М.И. Цветаевой. Г.С. Родионова вспоминала: «Однажды Марина сказала мне: “Знаете, Галя, очень мне нравится сказочное фавьерское лукоморье — хотя вместо дуба и растет вот эта старая большая сосна, и нет ученого кота. Но мне очень трудно жить и работать в „конюшнях“, раздражает варварская тарабарщина, раздражает и то, что смотрят на меня как на любопытный экспонат, хотя многие моих стихов не читали или не поняли. Не знаю, что и делать! И в Париж не хо-

---

³ Подробнее см.: [6, с. 204].

чется возвращаться!» <...> Тут же, на пляже, на страницах блокнота Марина писала звучные стихи. Где они, эти фавьерские блокноты? Я не знаю. Наизусть, к сожалению, стихов я не запомнила. Осталось в памяти, что однажды, отождествляя душу поэта с жизнью природы, она приписала довольно неожиданно — в конце: “А лира (поэта) — обет бедности...” [8, с. 420].

В цикле очерков «Мыс Гурон» А.И. Куприн рассказывал не только о трудных условиях жизни в Ла-Фавьере, но и о поэзии этого места: «Хромой стол, два хромых стула, два утлых топчана, и все это из некрашеного гнилого дерева, керосиновая лампа — вот вся наша обстановка. Готовим пищу па спиртовке (понятно, когда есть что готовить...). Здесь нет ни газа, ни электричества и не только нет уличных фонарей, но и самых улиц и даже дорог <...> А о неудобствах я не смею и говорить из боязни потерять репутацию приличного человека. Довольно сказать, что сквозь наш высокий пирамидальный потолок, крытый разбитой марсельской черепицей, можно ночью с удовольствием любоваться ночными огромными мохнатыми звездами» [4, с. 42-43]. Отдельно он упоминал необыкновенно дружественную атмосферу Ла-Фавьера: «Здесь все просто, по-семейному. Никому, уходя из дому, не придет в голову запереть дверь. Коренные жители — помесь провансальцев с итальянцами — добры, простодушны, вежливы, приветливы, легки на услугу, любят весело и громко посмеяться. Слышу я иногда их здоровый, какой-то смугло-румяный хохот и с тихой завистью думаю: “А у меня на родине люди уже отвыкли и улыбаться”» [4, с. 43].

Как писала Врангель, «одно время в рыбацком домике над самым морем жил Куприн с женой. Он все смотрел в окно на море, любовался им без конца, и ему казалось, как он говорил, что он плывет по морю и тогда беспредельны были его мысли и грезы...» [2, с. 150-151].

Поскольку эту общину русских составляли, прежде всего, люди творческие, этот уголок Прованса «немедленно стал упоминаться в их переписке, проникать на

холсты, фиксироваться в посылаемых в журналы “русского Парижа” очерках, стихах и рассказах; со временем всплыл в мемуарах тех, кто здесь бывал. Вокруг реально существовавшего поселка возникла, таким образом, его мифологическая “надстройка”, а результатом состоявшейся текстуализации местности стал корпус художественных и автодокументальных произведений, которые, ввиду их содержательных констант (мотивов, символов и т. п.), уместно назвать “фавьерским текстом”, по аналогии со многими городскими текстами русской литературы» [1, с. 255].

В творчестве Л.С. Врангель образ усадебной жизни XIX века, родового гнезда, связанного с памятью предков, трансформировался в образ дачи, поселения деятелей искусства и науки, отличающегося чертами «усадебности», общинности, атмосферой творчества. Интересно, что эмигрантский поселок в Ла-Фавьере стал своеобразным продолжением традиций жизни интеллигенции в Баты-Лимане, стал трансформацией привычного топоса на чужбине.

Литература

1. Бжикцы И. «Чудесный уголок земли»: Ла Фавьер как locus amoenus в литературе русского зарубежья // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 251-281.
2. Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон: Kamkin, 1964.
3. Врангель Л.С. Далекое прошлое. Отрывки из рассказов моей матери / С предисловием проф. Б. Вышеславцева. Париж: Умса-Press, 1934.
4. Врангель Л.С. Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. Составитель, автор предисловия и комментариев Вадим Крейд. М.: Республика, 1994.
5. Куприн А.И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1957–1958. Т. 6, 1958.
6. Куприна К.А. Куприн – мой отец. М., «Сов. Россия», 1971.
7. Миленко В.Д. Саша Черный. Печальный рыцарь смеха. М.: Молодая гвардия, 2014.

8. Носик Б.М. Сент-Женевьев-де-Буа: русский погост в предместье Парижа. М.: Алгоритм, 2014.
9. Родионова Г.С. В Провансе в предвоенные годы // Воспоминания о Марине Цветаевой / Сост. Л.А. Мнухин, Л.М. Турчинский. М.: Сов. писатель, 1992. С. 413-423.
10. Черный Саша. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Ленинград: «Советский писатель», 1960.